

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

ОБЗОР ЮБИЛЕЙНОЙ ОСЕННЕЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ПРАВА», ПОСВЯЩЕННОЙ 60-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (25 ноября – 16 декабря 2022 года)

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 декабря 2022 г.

Аннотация: в обзоре представлено описание мероприятий, включенных в Юбилейную осеннюю научную сессию, посвященную 60-летию кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета (25 ноября – 16 декабря 2022 года), а также тезисы докладов участников состоявшихся в рамках Юбилейной научной сессии конференций.

Ключевые слова: юридическая антропология, китайское правосознание, памятники права, правовые традиции, восточная традиция права, западная традиция права, история права.

THE REVIEW OF THE ANNIVERSARY AUTUMN SCIENTIFIC SESSION “CULTURAL AND HISTORICAL TRADITIONS OF LAW”, DEDICATED TO THE 60th ANNIVERSARY OF THE FOUNDING OF THE CHAMBER OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW OF VORONEZH STATE UNIVERSITY (November 25 – December 16, 2022)

N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: the review includes the description of the events within the framework of the Anniversary Scientific Session, dedicated to the 60th

© Малиновская Н. В., 2023

anniversary of the founding of the Chamber of Theory and History of State and Law of Voronezh State University (November 25 – December 16, 2022), and the proceedings of the participants of the conferences included into the Anniversary Scientific Session.

Key words: legal anthropology, Chinese legal consciousness, monuments of law, legal traditions, Eastern legal tradition, Western legal tradition, history of law.

Юбилейная научная сессия, состоявшаяся на юридическом факультете Воронежского государственного университета 25 ноября – 16 декабря 2022 г., была посвящена 60-летию кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета.

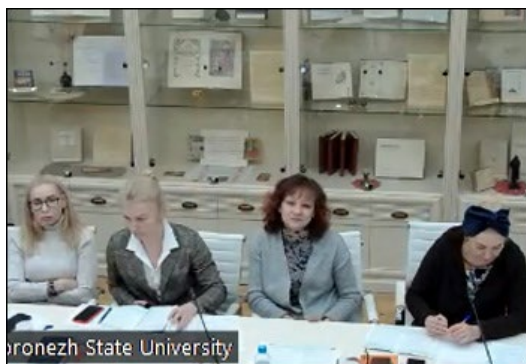
В рамках Юбилейной научной сессии состоялось несколько научных мероприятий различного формата и состава участников:

- Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Достижения и проблемы юридической антропологии» (25 ноября 2022 г.);
- Межвузовский круглый стол магистрантов, аспирантов и соискателей «Источники права: эволюция и современное состояние» (9 декабря 2022 г.);
- Мастер-класс «Культурологические особенности китайского правосознания» (13 декабря 2022 г.);
- Межвузовский конкурс научных работ студентов-бакалавров и специалистов «Цивилизационные исследования государственно-сти: история и современность»;
- Вторая международная научная междисциплинарная конференция памяти профессора М. Г. Коротких «Мировая эволюция в памятниках права: правовые традиции Востока и Запада» (16 декабря 2022 г.).

Юбилейная научная сессия была открыта 25 ноября 2022 г. **Международной междисциплинарной научно-практической конференцией «Достижения и проблемы юридической антропологии»**, проведенной на базе дискуссионной площадки Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ в смешанном – офлайн- и онлайн-формате.

Работу конференции открыла руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор **Светлана Николаевна Махина**, рассказав об истории кафедры и основных направлениях ее деятельности в настоящее время, одним из которых является проведение антропологических правовых исследований. Модератором конференции выступила доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент Наталья Владимировна Малиновская.

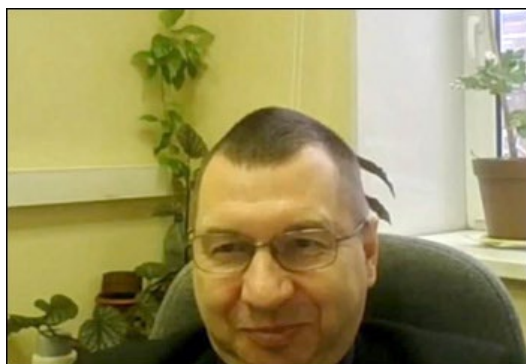
Международный формат конференции объединил ученых из шести стран – России, Беларуси, Таджикистана, Китая, Вьетнама и Эквадора.

Российское юридическое сообщество было представлено учеными из Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Улан-Удэ, Екатеринбурга, Иваново, Белгорода, Рязани, Самары, Нижнего Новгорода, Курска, Вологды.

Первым на пленарном заседании был доклад доктора юридических наук, профессора,

главного научного сотрудника отдела теории права и междисциплинарных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженного работника высшей школы РФ **Дмитрия Алексеевича Пашенцева**, который подчеркнул, что

следует различать антропологию права и антропологический подход к праву. Значимость последнего в юридической науке обусловлена современным переходом к неклассической научной рациональности, одной из составляющих которой является «антропологический поворот». Процесс конструирования правовой реальности про-

исходит в три этапа: создание знаковой формы, осознание этой формы участниками общественных отношений и трансформация правового регулирования в повседневное массовое поведение общества. Наиболее важным является именно последний этап, однако при принятии законов данный аспект часто забывается. Результатом является отсутствие должной регулятивной эффективности нормативного правового акта. В современной юридической науке акценты с необходимостью должны смещаться с изучения форм права на правосознание и правовое поведение. Следует выявлять причины соответствующего поведения и способы влияния на правосознание в целях достижения желаемого правового результата.

В истории государства и права достаточно подробно изучена нормативная основа, но реальное правовое поведение в конкретный исторический период в основном остается неизученным. Поэтому одной из

главных задач современной историко-правовой науки должно являться изучение правосознания и правового поведения «homo juridicus» в определенную историческую эпоху. Именно в этом случае будет возможно реконструировать реальную правовую жизнь, которая в значительной степени отличалась от действующих в тот исторический момент памятников права, на которых традиционно юридическая наука делает основной акцент. В связи с этим необходимо развивать историко-антропологическую концепцию права, которая должна соединить две теории – идеи немецкой исторической школы права о значимости традиций и «народном духе» и положения современного антропоцентризма в рамках социологических правовых исследований, представленные в научных трудах И. Л. Честнова и В. И. Павлова. Центральным объектом исследований для современной юридической науки должен стать именно человек, его правосознание и правовое поведение. Только так можно будет в полной мере анализировать правовую жизнь и создавать эффективное законодательство.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Владислав Владимирович Архипов** в своем докладе затронул интересную проблематику игрового поворота в юридических исследованиях.

Он подчеркнул, что петербургская школа теории права давно занимается изучением типов научной рациональности. При этом особое внимание уделяется языковому повороту в юридической науке. В то же время, несмотря на активное развитие, в том числе аналитической юриспруденции, языковой и игровой повороты, определившие методологию многих наук на годы вперед, в российской юридической науке еще только начинают включаться в правовые исследования. Отечественная правовая культура стремится вытеснить игровые аспекты научного дискурса, что объясняется, с одной стороны, недостаточной научностью (несерьезностью) тематики, а, с другой – несвоевременностью такой постановки вопроса. В то же время в ракурсе антропологического подхода стремление к игре является одним из свойств человеческой природы. И, если рассматривать игровой поворот сквозь призму осознания и эксплицирования представления о каком-либо фундаментальном факторе, влияющем на наше представление о мире, то он, безусловно, является главным фактором, определяющим дискурс

XX столетия. Право и игру объединяют сразу два важных момента: они основаны на формальных правилах и существуют постольку, поскольку их участники соглашаются эти правила соблюдать. В противном случае игра разрушается, а правовая система находится в критическом состоянии. Эти идеи поддерживаются, в частности, социологическими правовыми исследованиями. Игровой поворот плавно перетекает в медиальный поворот, поскольку новые виды игр возникают в контексте информационно-телекоммуникационных технологий. Медиальный поворот, в свою очередь, подразумевает зависимость не только от языка и коммуникации, но и от средств воспроизводства и распространения информации. Представления о человеке, представления человека о самом себе конструируются исходя из образов, которые мы постигаем из артефактов медиареальности. Наше восприятие опосредовано, и в настоящее время происходит отчуждение людей друг от друга, чему способствуют, в том числе, коммуникация и восприятие образов через медиатехнологии. Отсюда – два парадоксальных момента. С одной стороны, в современном мире медиа формирует образ человека, но значительной частью медиа является, в широком смысле, элемент игры.

Медиальный поворот в совокупности с игровым поворотом порождают серьезный вызов нашей современности – контекст «постправды», распространения недостоверной информации под видом достоверной, в том числе в связи с использованием технологий искусственного интеллекта и формированием «дипфейков».

При этом возникает острый дискуссионный момент: если право в настоящее время рассматривается как коммуникация, а последняя в условиях «постправды» бывает недостоверной, то как в таком случае возможно право вообще?

Антропологическое измерение предполагает внимание к играм как элементу культуры в самом широком смысле и задает три возможных направления развития правовых исследований:

- аналогия права и игры, имеющая серьезное эпистемологическое значение;

- рассмотрение, в том числе в историческом контексте, вопроса о том, что определяет значение исхода игры для реальных правоотношений, которые внутри игры не находятся;

- различение игры и сферы «серьезного» как юридически значимого в контексте влияния игровой сферы на конкретные правовые отношения.

Доклад главного научного сотрудника центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктора юридических наук, профессора **Олега Анатольевича Степанова** продолжил антропологическую тематику конференции с позиций цифрового ракурса современной эпохи. О. А. Степанов подчеркнул,

что, исследуя процессы юридикации бытия человека, юридическая антропология в условиях современности не может не учитывать достижения современных цифровых технологий, являющихся неотъемлемой частью современной жизни. Поскольку объем произведенной человеком информации к настоящему времени является колос-

сальным и значительная ее часть сейчас создается в электронной форме, то при ее анализе и учете необходимым и эффективным будет использование искусственного интеллекта. В то же время роль последнего оценивается неоднозначно, в том числе в качестве потенциальной угрозы человеческому обществу. Возникают вопросы о возможности автономии разума искусственного интеллекта, которые, по мнению О. А. Степанова, также должны становиться предметом антропологических правовых исследований, формируя новое направление этики. Одними из возникающих проблем при этом становятся потенциальная утрата приватности человеческой жизни и вероятность постановки ее под контроль искусственного интеллекта, а также переориентирование финансовой политики государства на соображения исключительной целесообразности и выгоды.

Одним из центральных проблематических докладов на конференции стал доклад о базовых элементах права в антрополого-правовой концепции докторанта Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидата юридических наук, доцента **Вадима Ивановича Павлова**. Он подчеркнул, что в условиях современной реальности юридическая антропология рассматривается, главным образом, в двух ракурсах: 1) как юридическая этнология, занимающаяся исследованием правовых культур и традиций различных народов, концептуализированная в XX в. французским ученым Норбером Руланом, и 2) как теоретико-методологическое направление, т.е. некоторые эпистемы современной юриспруденции, занятые разработкой базового языка фундаментальной правовой теории. Второй аспект связан с кризисом классической и разработкой неклассической (современной) методологии юридической науки. Первое направление не связано с понятием кризиса, что отражает восприятие европейским сообществом развития четвертого и пятого поколений права человека как нормального явления. Второе направление, напротив, развивается на основе осмысления антропологического кризиса и антропологического поворота в правовой реальности. Одним из центральных становится понятие «человекомерности права», которое

в то же время интерпретируется по-разному. Так, гуманистическое европейское направление мысли предлагает понимать человекомерность сквозь призму прав человека, в то время как современное антропологическое направление теории права рассматривает данное явление как ответ и реакцию на кризис понимания места и роли человека в правовой реальности. С позиций инструментального подхода, для разработки догмы права юридической антропологии требуется образ человека в правовой реальности. Однако описать и сформировать его довольно непросто. Господствующей описательной схемой формализации лица в современной теории права является концепция субъекта права. В то же время для формирования образа «человека юридического» необходимо использование инструментария философской антропологии, которую в современной науке представляют С. С. Хоружий и Ф. И. Гиренок. Для эффективных антропологических исследований необходим также анализ культуры и понимания конкретного человека как представителя определенной правовой, а также религиозной культуры и традиции. Отражением такой практики в нормативном пласте действительности является Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором среди ценностей прав человека и гуманизма упоминается приоритет духовного над материальным. И это также дает повод для многих дискуссий в юридической доктрине и новых концепций правотворчества в сфере конституционализма.

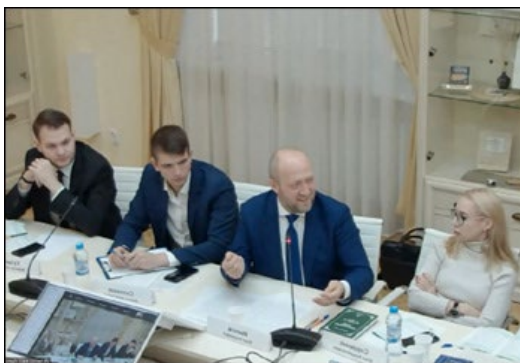
В. И. Павлов обратил внимание на взаимосвязь юридико-антропологических и конфликтологических исследований, подчеркнув, что интенции юридической антропологии на постсоветском доктринальном пространстве проявляли себя в трудах по юридической конфликтологии, в частности, академика В. Н. Кудрявцева. В этом выражала себя деюридизация правового конфликта и правонарушения, когда внимание акцентировалось на личностных особенностях человеческого мышления в рамках конкретного спора. Впоследствии эти исследования прекратились, но сейчас они актуализируются и получают свое новое развитие в контексте широкого внедрения медиации в сферу разрешения самых разных юридических конфликтов.

Доклад директора Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, доктора исторических наук, доцента **Павла Николаевича Дудина** был посвящен интересной проблематике соотношения личности и правовых традиций в государствах Восточной Азии. П. Н. Дудин поставил вопрос о степени близости, преемственности и корреляции современного права как такового и правовых традиций восточно-азиатских государств. Антропоцентризм никогда не являлся сколь-

ко-нибудь значимой идеологической и практической установкой в данных государствах, что порождало стереотипы о карательном характере восточно-азиатского права. Ряд исследователей пытались разрушить эти стереотипы, подчеркивая отсутствие какой-либо выраженной жестокости, например, китайского права в сравнении с английским, которое, в свою очередь, отличалось множеством составов преступлений, караемых смертной казнью, и изощренностью последней. В китайском праве используются многие категории европейского права. Но они получают различное выражение. Так, многие законы, именуемые уголовными, в действительности такими не являлись, регулируя семейные отношения или сферу государственного управления.

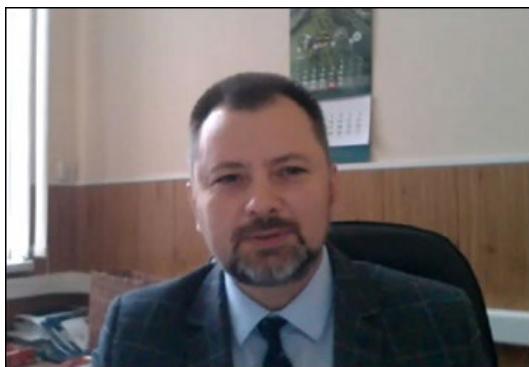
Китайское право и его отрасли можно рассматривать сквозь призму антропологического подхода, результатом чего будет выявление различных личностных аспектов в правовых нормах. Так, в сфере наложения наказаний по китайскому праву личностные начала присутствуют в учете семейного положения и родственников виновного, а также личных мотивов совершения должностных преступлений. В фискальной сфере личностные аспекты проявляют себя в учете нарушений правил регистрации домохозяйств и лиц, к ним приписанных, или незаконном пользовании семейным (домохозяйским) имуществом. В целом китайское правовое регулирование развивалось достаточно специфично, что позволяет сделать вывод об отсутствии ярко выраженного в нем частного интереса и особом – в отличие от классического римского подхода – структурировании системы традиционного права.

Особым гостем конференции стал председатель Избирательной комиссии Воронежской области, кандидат исторических наук **Илья Сергеевич Иванов**, обративший в своем докладе внимание на антропоцентричность как один из доминирующих трендов развития современного избирательного права. В настоящее время в нем присутствуют две тенденции, одна из которых связана с законностью и легитимностью процедуры выборов, а другая направлена на формирование доверия к институтам и механизмам избирательного права среди широкого круга населения. При этом государственная политика ориентирована на конкретизацию ряда действующих норм и ревизию отдельной их части с позиций эффективности правового регулирования. Но в целом все конструирование правовых норм акцентировано на избирателе и предо-

ставлении ему максимально удобных механизмов реализации волеизъявления. Основные новации и изменения, происходящие в современном избирательном праве, обусловлены влиянием цифровизации, но есть и те, которые касаются взаимодействия человека с человеком.

И. С. Иванов отметил, что с 2017 г. Центральной избирательной комиссией был запущен механизм «мобильный избиратель», который пришел на смену механизму открепительных удостоверений. Он напрямую ориентирован на удобство голосования и привлечения к участию в выборах более широкого круга избирателей. Прошедшие годы действия этого механизма подтверждают его эффективность, востребованность и позитивное восприятие обществом. Другим нововведением является концепция многодневного голосования, которая также успешно применяется и содержит в себе выраженные организационно-гуманитарные начала. Несмотря на то, что проведение трехдневной интенсивной работы является значительной нагрузкой на избирательные комиссии, акцент на антропоцентричности современного избирательного права способствовал нахождению тех решений и механизмов, которые сохранили концепцию многодневного голосования ради удобства и привлечения избирателей. Еще одним новым механизмом стало проведение дистанционного электронного голосования, которое базировалось на механизме «мобильный избиратель». Первый раз такая форма голосования была применена в 2019 г. локально в пределах Москвы, в 2020 г. механизм был выведен на общероссийский уровень. Анализ статистических данных подтвердил, что явка среди той части населения, которая выбрала для себя формат дистанционного электронного голосования, составила около 90 %. Это также доказывает эффективность и востребованность данного механизма. Таким образом, на примере направлений развития избирательного права антропоцентричность государственной политики явно выражена. Серьезной проблемой, которая нуждается в разрешении в ближайшем будущем, является проблема доверия избирателей, результативность решения которой во многом зависит и должна быть основана на антропологических исследованиях.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор **Алексей Игоревич Овчинников** в своем докладе обратился к категории правосознания как ключевой для антропологических исследований права. В современной юриспруденции доминиру-

ет социокультурный подход, согласно которому право рассматривается как продукт различных национальных культур. В данном случае возникают многие дискуссионные вопросы о возможности отделения права от морали, автономии права и другие, решение которых во многом зависит от понимания природы нравственности.

Старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат исторических наук **Павел Игоревич Костогрызов** обратил внимание на состояние и перспективы развития антропологии права в России. Одной из главных проблем является отсутствие взаимосвязи между двумя направлениями антропологических правовых исследований, связанных с этнологией или постклассической юриспруденцией.

Подобная проблема существует не только в России. Американский антрополог Марк Гудейл в монографии «Антропология и право: критическое введение» (2017 г.) также указывает, что в американской доктрине существуют два отличающихся друг от друга направления, которые он именует «антропология права» и «юридическая антропология». Первым занимаются собственно антропологи, которые ориентированы на изучение человека, а вторым – юристы, которые в большей степени изучают право. П. И. Костогрызов обратил внимание, что оба подхода являются неоправданно узкими и антропологические исследования будут более плодотворными, если объединить усилия представителей и того, и другого подхода. В американской доктрине, при той же ситуации, подход более прагматический. Там используют данные антропологии для реализации механизмов альтернативного разрешения споров. Напротив, в отечественной доктрине преобладает глубоко теоретизированный подход, с высокой степенью научных абстракций. Между тем, антропологические исследования невозможны без опоры на эмпирические данные. Поэтому их учет необходим хотя бы отчасти. И наилучшим вариантом в данной ситуации будет именно объединение усилий представителей различных подходов.

Другой важной проблемой юридической антропологии является проблема методологическая. Одни ученые нередко упрекают рассматриваемую сферу знаний в эклектичности методов, что другие объясняют как междисциплинарность. Открытым в данном случае остается вопрос, нужны ли юридической антропологии самостоятельные методы исследования. Такие предложения звучат в юридической науке, но не являются вполне обоснованными. Антропологические исследования способны в достаточной мере развиваться на основе имеющегося набора используемых методов.

Еще одним дискуссионным вопросом юридической антропологии является понятие «обычное право», которое позиционируется как пред-

мет антропологических исследований, но на данный момент является весьма устаревшим. Предлагаемые отдельными исследователями вместо него понятия «этническое право» и «этноправосудие» не являются состоятельными, поскольку этнос не представляет собой организованную форму существования, а потому он не может создавать право. Более правильным в современных условиях П. И. Костокрызов считает термин «общинное право», поскольку именно он отражает истинный предмет исследования юридической антропологии и находит свое выражение в ряде доктринальных трудов.

От *Воронежского государственного университета* с докладами выступили Марина Валентиновна Карасева, Павел Николаевич Бирюков и Юлия Владимировна Сорокина.

Заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук,

профессор **Марина Валентиновна Карасева** охарактеризовала отдельные антропологические аспекты финансово-правовой системы регулирования. Она подчеркнула, что в рамках финансовой и налоговой системы положение человека является в наибольшей степени универсальным и минимально зависящим от культурно-истори-

ческих традиций. Одновременно оно является и в наименьшей степени дифференцированным. Положение человека в финансовой системе наиболее сложное, хотя в ней существует множество механизмов защиты прав человека. Это обусловлено характерными чертами финансово-правового регулирования: его существенной жесткостью, невозможностью понимания человеком концепции финансово-правового регулирования, антагонистическим характером взаимоотношений человека и государства в рамках налоговой политики, наибольшей степенью материальных обременений человека и проявившейся неожиданным образом в последнее время нравственной оценкой человека в рамках финансово-налоговой системы – характеристикой его в качестве налогового патриота или непатриота. В результате комбинаторного взаимодействия и проявления перечисленных свойств правового регулирования личность в финансово-налоговой сфере оказывается в наиболее ограниченном положении, поскольку система исключает свободу усмотрения в данном случае даже для властвующего субъекта.

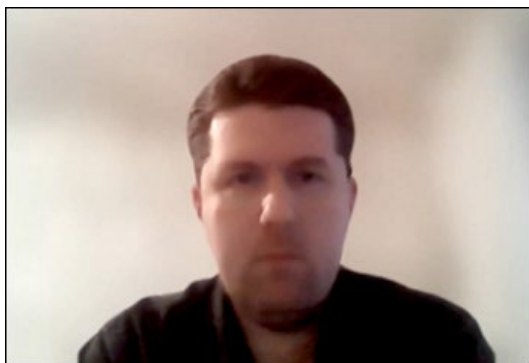
Доклад заведующего кафедрой международного и евразийского права, доктора юридических наук, профессора **Павла Николаевича Бирю-**

кова был посвящен вопросам корреляции документов ФАТФ и правовой системы России. Правовые документы ФАТФ имеют форму стандартов, а также руководств по лучшей практике, учебников и рекомендаций. С формальных позиций их учет не является обязательным, однако обычно государства учитывают их при реализации соответствующих стандартов в своей правовой системе. Особое значение имеют разработанные и принятые в 2012 г. 49 Рекомендаций в новой редакции, которые позволяют лучшим образом защищать правовую систему РФ. Стандарты ФАТФ считаются актами международных организаций, поэтому к ним не применим механизм имплементации международных договоров. Их значение в правовой системе РФ состоит в дополнении внутригосударственного правового регулирования международным компонентом, который в данном случае выступает ориентиром для отечественного законодателя, иницилируя процессы правотворчества.

Профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор **Юлия Владимировна Сорокина** обратилась к антропологическим аспектам в христианской доктрине. По ее мнению, христианство внесло большой вклад в осознание личности человека и обоснование его как ценности. Именно здесь следует искать первоосновы современного антропоцентризма. Это проявляется еще в ветхозаветном учении, где описывается договорная концепция отношений между Богом и человеком в лице Авраама. Уже это обосновывает наиважнейший тезис, отражающий уважение к человеческой личности и достоинству, поскольку договор предполагает равенство сторон.

Впоследствии идея личности развивается у Фомы Аквинского, который отстаивает идею целостности человека, отражающую симбиоз души и тела. Только при таких условиях человек может формироваться как личность, достойная уважения и свободы выбора. И в настоящее время томизм в виде несколько модернизированного учения Ф. Аквинского является основной доктриной католической церкви. При этом важно заметить, что в таком виде христианство не принимает индивидуализм, развитый впоследствии протестантским направлением. Размышляя о человеке как таковом, современная христианская доктрина не выходит на универсализм, а обращает внимание на взаимодополняющее единение полов – только союз мужчины и женщины способствует наиболее совершенному развитию человека. Правовая идея формального равенства в христианской доктрине переходит в концепцию равного достоинства людей, каждый из которых в равной мере достоин уважения.

Доцент кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), канди-

дат философских наук, доцент **Максим Александрович Беляев** продолжил антропологическую проблематику конференции рассмотрением категорий агентности и субъектности в юридической антропологии. Он отметил, что антропоцентризм является не состоянием, а своего рода «точкой сборки» современного общества в условиях,

когда техника и технология становятся теми механизмами универсализации, которые выстраивают механизмы под себя. Антропология права представляет собой специфическую науку о «понимании понимания». Нам необходимо понять картину мира других сообществ и культур, их нормативность и систему ценностей. В связи с этим антропологический метод – только один, и это юснатурализм.

Мир субъектов права традиционно децентрализован, поскольку этого требует принцип формального равенства. В мире субъектов права нет «я», а есть только «другие», которые четко определены через конструкции правоотношений. Однако схематичный мир правовых субъектов наслаивается на реальный, фактический жизненный мир. И в нынешних условиях техника и искусственные алгоритмы являются вызовом для современного человека. Изначально отталкиваясь от концепции агентности, мы приходим к концепции субъектности, поскольку начинаем делегировать искусственному механизму возможность принятия решений. В современной науке существуют различные предложения понимания места и роли искусственного интеллекта. Большинство теорий утверждают, что даже при отсутствии жизненного мира у искусственных организмов зачатки субъектности у них могут быть, что обосновывается нарративностью. При том, что данные программы, действуя как агенты, через какое-то время порождают эмоциональное отношение к себе, неизбежно возникает идея их субъектности, и вопрос возникает лишь о формах ее выражения и конструирования.

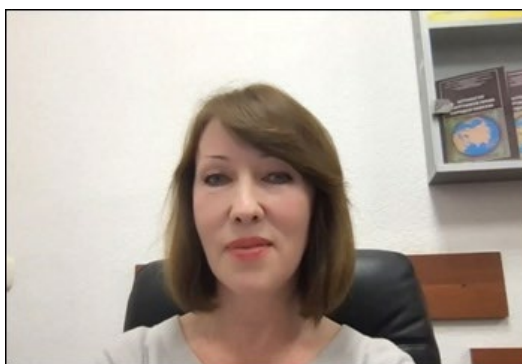
Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Евгений Леонидович Поцелуев** поднял важную и интересную проблему отчуждения индивида от государства и права. Он отметил, что понятие отчуждения по-разному определяется в гуманитарных науках. В современных условиях проблема отчуждения во многом связана с применением современных цифровых технологий. С позиций антропологических исследований право или протоправо возникает и существ-

вует именно для разрешения конфликтов. Крайние формы отчуждения от права находят свое выражение в преступлениях и суицидах. Исторически суицид получал отрицательную правовую оценку и последствия, что отражалось, например, в законодательстве эпохи Петра I. Девиантное поведение как отклонение от нормы также вызывает ряд дискуссий, поскольку нормативность может восприниматься различно. Современная девиантология изучает взаимосвязь между нормативностью и суицидом, выделяя такие виды самоубийств, как альтруистические, аномические и другие. Отчуждение индивида от государства и права в настоящее время наиболее ярко проявляет себя в сфере избирательного права в виде низкой явки на выборы. В то же время отдельными формами отчуждения выступают старообрядчество и монашество, эмиграция и другие.

Помимо негативных, можно выделить и позитивные аспекты отчуждения, которые неочевидны и заключаются в отчуждении индивида от государства при тоталитарном или авторитарном режимах: гражданское неповиновение индийского населения во времена господства Великобритании, антивоенные компании во времена войны в США и борьба за права афроамериканского населения. Борьба, которая ведется в таких условиях, с формальных позиций права исторического периода считается нелегальной, но в современных условиях она выступает выражением истинно правового поведения. Таким образом, феномен отчуждения индивида от права и государства нужно рассматривать диалектически.

Доклад заведующей кафедрой теории и истории права и государства филиала РАНХиГС, доктора юридических наук, профессора **Татьяны Владимировны Шатковской** был посвящен нравственным началам традиционных правовых представлений великорусских крестьян. Она подчеркнула, что и в современных условиях высокотехнологического общества обращение к традициям общественной жизни является актуальным. Именно они помогают вырабатывать начала единства и позволяют наполнять абстрактную идею права конкретным содержанием. Нравственность противопоставляется телесному миру, оперирует понятиями «добра» и «зла», разделяется на христианскую и гражданскую. Первая стоит выше второй, поскольку предъявляет более высокие требования к человеку.

Обычному праву в настоящее время уделяется значительное внимание. В нем особый акцент делается на должное через понятия «общест-

венной совести» и «правды». На уровне крестьянского правосознания можно говорить о разграничении понятий «права», «правды» и «закона». Именно «правда» служила идее равенства, поскольку каждый имел право, а иногда и был обязан стремиться к «правде» как к достижению высшей идеи справедливости. «Право» рассматривалось как данная кем-либо или признанная обычаям власть. Невинность, признанная судом, не означала с необходимостью безгрешности человека. Только «оправданный» перед обществом и Богом человек считался действительно невиновным. Таким образом, несмотря на часто характеризуемый как примитивный быт великорусских крестьян, у них можно найти представления о таких высоких ценностях, как право и справедливость.

Центральной проблемой доклада доцента кафедры теории и истории государства и права Удмуртского государственного университета, кандидата исторических наук, доцента **Алексея Александровича Шепталина** стал гносеологический потенциал юридической антропологии в контексте проблем правогенеза. Он отметил, что позитивное право отнюдь не отражает всей пестрой соционормативной мозаики, составляющей сегодня правовое пространство России. Народы Сибири и Крайнего Севера, народы Северного Кавказа и Волго-Вятского региона и в настоящий момент соблюдают многовековые традиции. Изучение этих немногих этнологических источников составляет одну из главных задач современной юридической антропологии, так как позволяет разобраться в истоках генезиса и становления первобытного нормативного регулирования и его последующей трансформации в обычное право, а затем – в право позитивное. Одной из проблем современной реальности является несоответствие господствующего нормативистского понимания права реальной картине, возникающей на основе антропологических и этнологических материалов. И причиной данной проблемы является недооценка современной юридической наукой данных антропологических исследований. Их расширение и введение в теоретико-правовую плоскость позволило бы углубить представления о праве и сформировать более эффективные механизмы правового регулирования.

Профессор факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент **Татьяна Анатольевна Алексеева** в своем докладе обратила внимание на концепцию личности в учении выдающегося испанского юриста и государственного деятеля Ф. Пи-и-Маргалья о федерации, которое является актуальным в условиях современности. В 1873 г., в период первого провозглашения в Испании республики, он занимался активной политической деятельностью. Его взгляды во многом определены его каталонским происхождением. Согласно учению Ф. Пи-и-Маргалья, федерация – не просто форма государственного устройства, а форма социаль-

ного объединения вообще. Ей противостоят все унитарные государства, которые, по мнению ученого, несут только вражду и войны. Федерация не губит автономию индивида, и его развитие и может существовать при любой форме правления. При этом федерация представляет собой добровольный союз свободных людей, который основан на наличии у них общих интересов. Особенностью федерации является единство при сохранении многообразия, когда недопустимы посягательства на свободу, автономию и традиции людей, которые составляют федерацию. Формирование такой федерации происходит снизу вверх: первый уровень – города, затем – провинции и регионы, далее – нации и государства, и – в конце концов – предполагается формирование всеобщей федерации. Идеи Ф. Пи-и-Маргалья имеют настолько вневременное значение, что на них опирались при разработке конституционных проектов в Испании и в 30-х, и в 70-х гг. XX в., в том числе за счет их антропоцентричности.

Доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования РГПУ имени А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент **Елена Юрьевна Калинина** отразила в своем докладе исторические особенности конструирования империи в средневековой Испании как технологии формирования государственно-правовой идентичности. Она обратила внимание на тот интересный факт, что концепция империи в Испании зародилась не сверху, из центра, а снизу, из общества. Этому способствовало выделение в X в. на территории Испании отдельного субъекта – Кастилии, который сразу формировался как автономный и в определенной мере протестный.

Здесь формируется особый тип правосознания, который отражал, прежде всего, стремление к внутреннему единству населения. В результате в испанской истории возникает имеющее духовно-политический характер понятие «протонация», которое предполагает формирование особого политико-правового пространства, нацеленного на единение, хотя изначально и несущего в себе идеи автономии. Именно на основе этой политико-правовой идентичности в Испании впоследствии складывается концепция государственности.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Борисовна Купцова** обратилась в своем докладе к концептуальным основаниям категории «*homo juridicus*», отметив, что ее локальные интерпретации являются благом для развития отдельных этносов и социальных групп. В системе видоизменяющегося права, в рамках динамики форм права и будет в ближайшее время существовать «человек юридический». Он постоянно находится в поиске своей правовой самоидентификации. Это человек, постоянно отражающий и аккумулирующий в себе общечеловеческие цен-

ности и стремящийся к их отражению в нормативной реальности. В то же время юридический позитивизм в настоящее время видоизменяется и смягчается, заимствуя в том числе и моральные константы. С этих позиций догматический метод рассмотрения «человека юридического» также имеет значение.

Кандидат юридических наук, доцент **Антон Мечиславович Лютынский** обратил внимание на особенности текста права в сфере уголовного судопроизводства в контексте философии постмодернизма, деконструкции и конструируемости правовой реальности.

Преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского **Екатерина Андреевна Есаева**, подготовившая совместный доклад со старшим преподавателем Вьетнамского национального университета в г. Ханое, кандидатом юридических наук **Май Ван Тхангом**, акцентировала внимание на влиянии этнических начал на формирование колониального законодательства и судебной системы протектората Тонкин. В докладе на основе анализа конкретно-исторических событий и нормотворческих актов было подробно обосновано, как процессы изменений в правосознании вьетнамского населения порождали необходимость обновления нормативной системы и получали в ней отражение.

Обмениваясь мнениями в завершение работы Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Достижения и проблемы юридической антропологии», участники пришли к выводу о необходимости продолжения сотрудничества и взаимодействия в целях расширения границ антропологических исследований и обогащения их результатами юриспруденции и других гуманитарных наук.

В ходе работы конференции был рассмотрен широкий спектр проблем юридической антропологии и положено начало междисциплинарным антропологическим исследованиям.

* * *

Продолжением Юбилейной научной сессии стал **Межвузовский круглый стол магистрантов, аспирантов и соискателей «Источники права: эволюция и современное состояние»**, состоявшийся 9 декабря 2022 г.

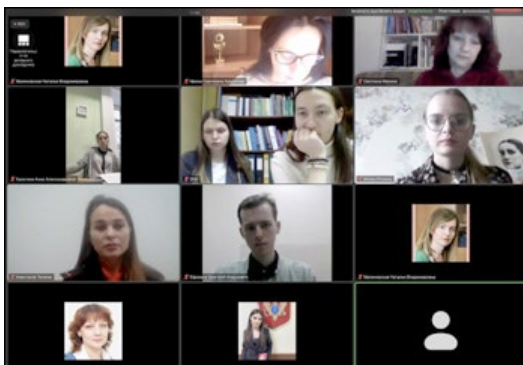
В работе Межвузовского круглого стола приняли участие магистранты, аспиранты и соискатели Воронежского государственного университета, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и Воронежского института МВД России. Спикерами мероприятия выступили заведующий кафедрой теории

и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор Светлана Николаевна Махина, кандидат юридических наук, доцент Наталья Владимировна Малиновская, кандидат юридических наук, доцент Ирина Сергеевна Завьялова.

Участники круглого стола обсудили ряд вопросов, включающих терминологические проблемы, видовой перечень и особенности формирования источников права. Особый интерес и оживленную дискуссию вызвали вопросы влияния цифровизации на современные формы права. Были проанализированы особенности и перспективы развития форм правового регулирования интернет-платформ и социальных сетей, информационное законодательство России и ряда зарубежных стран, а также возможности развития цифровой формы нормативного правового акта. Не остался без внимания и традиционно полемический вопрос о проблемах соотношения судебного прецедента и судебной практики. Участники дискуссии сошлись во мнениях о том, что судебные решения имеют в России особое значение, которое нельзя выносить на уровень судебного прецедента как самобытного источника права англо-американской правовой семьи. Но в то же время невозможно отрицать факт влияния правовых позиций высших судебных инстанций на формирование судебной практики в России. Вместе с тем проблема единства судебной практики пока остается нерешенной, что во многом обусловлено реформированием российской судебной системы.

13 декабря 2022 г. очередным мероприятием Юбилейной научной сессии, направленным на укрепление международного сотрудничества, стал **мастер-класс «Культурологические особенности китайского правосознания»**, проведенный с участием кандидата исторических наук, доцента Хайнаньского университета **Аси Алиевны Саракаевой** (Китайская народная республика, г. Хайкоу) и кандидата филологических наук, доцента Хайнаньского института экономики и бизнеса **Элины Алиевны Саракаевой** (Китайская народная республика, г. Хайкоу).

В мастер-классе приняли участие преподаватели, аспиранты, магистранты, студенты-бакалавры и специалисты. Участники обсудили с ведущими истоки современной китайской правовой ментальности, особенности восприятия китайцами закона и морали, степень влияния

конфуцианства, легизма и Коммунистической партии КНР на современную китайскую правовую идеологию. Ася Алиевна Саракаева отметила, что современное китайское правосознание имеет глубокие исторические корни и основано на оригинальном симбиозе философии конфуцианства и легизма, к которым в XX в. добавилась

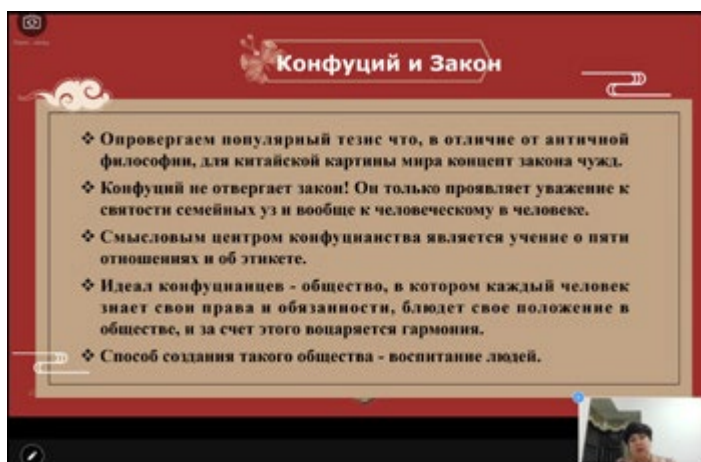
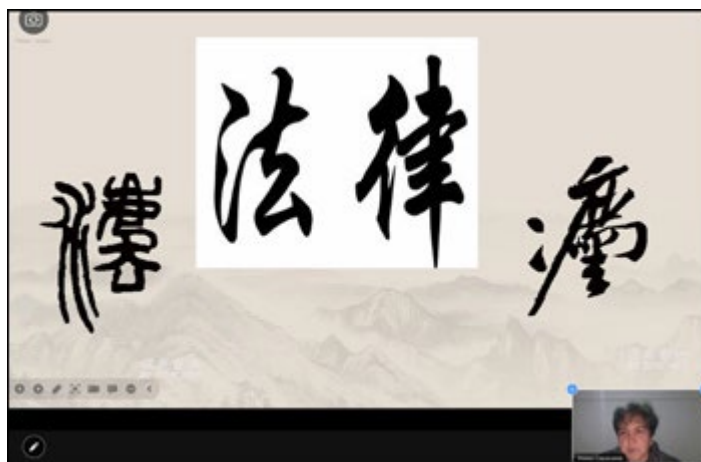
коммунистическая идеология. Несмотря на многочисленные различия, данный конгломерат идей успешно уживается в менталитете современных китайцев и отнюдь не препятствует развитию права, показателем чего является принятие в последние годы целого ряда законов, регулирующих гражданские правоотношения, распространение информации и использование цифровых технологий.

Элина Алиевна Саракаева обратила внимание на то, что само понятие «закон» отнюдь не является чуждым китайскому менталитету, как это нередко стремятся подчеркнуть в западноевропейских исследованиях. Закон с древних времен имеет определяющее значение в регулировании об-

щественных отношений. Воля правителя-вана, олицетворяющая закон в древности, подлежит неукоснительному исполнению. На взгляд Э. А. Саракаевой, философия конфуцианства не способствует уменьшению роли закона в жизни общества, а лишь дополняет его глубокими морально-этическими аспектами, способствующими поддержанию право-

порядка в симбиозе с законом. Особая роль в формировании уважительного отношения не только к закону, но и к каждому члену общества принадлежит правильному воспитанию. Таким образом, благодаря сильной этической основе, правосознание китайских граждан изначально ориентировано не на сутяжничество, а, скорее, на поиск компромисса в урегулировании конфликтной ситуации. Это особенно характерно для административных и трудовых правоотношений, в то время как в гражданско-правовой сфере в настоящее время активность граждан возросла, и они широко пользуются правом обращения в суд для разрешения спора.

Студенческая часть Юбилейной научной сессии была представлена на Межвузовском конкурсе научных работ студентов-бакалавров и специалистов «Цивилизационные исследования государственности: история и современность», итоги которого были подведены 16 декабря 2022 г. В Конкурсе приняли участие студенты Воронежского государственного университета, Воронежского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежского института МВД России.

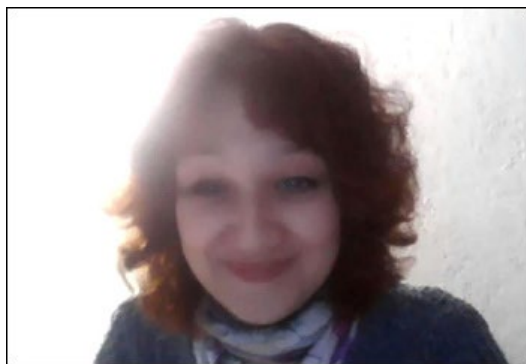
Конкурсные работы были посвящены особенностям восточного и западного путей формирования государственности. Участники стремились проанализировать как положительные, так и отрицательные черты государственного управления в моделях древневосточной деспотии и античных полисов. Отдельный интерес вызвала тематика самобытных черт

российской государственности и степени влияния на ее характер восточных и западных управленческих начал. Важно отметить, что работы участников Конкурса отличались объективным научным подходом к анализу предметной области исследования и включали изучение исторических предпосылок формирования государственности и общества определенного типа. Работы победителей Конкурса получают последовательное отражение в материалах приложений к сетевому научно-практическому изданию «Журнал юридической антропологии и конфликтологии».

* * *

Завершением Юбилейной научной сессии стала **Вторая международная научная междисциплинарная конференция памяти профессора М. Г. Коротких «Мировая эволюция в памятниках права: правовые традиции Востока и Запада»**, состоявшаяся в онлайн-формате 16 декабря 2022 г.

Работу конференции открыла руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридическо-го факультета ВГУ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор **Светлана Николаевна Махина**. Она сделала экскурс в историю кафедры и университета, отме-

тив, что Воронежский государственный университет начал свою деятельность 12 ноября 1918 г. Кафедра теории и истории государства и права была создана в качестве самостоятельного структурного подразделения в 1962 г. Первым заведующим кафедры стал **Арменак Манасович Даниелян**. За 60-летний период деятельности кафедры

успела сформироваться достойная научная школа, выдающимися представителями которой были Виктор Васильевич Труфанов, Андрей Артемьевич Гордиенко, Эдуард Филиппович Побегайло, Иван Александрович Галаган и Михаил Григорьевич Коротких.

Профессор М. Г. Коротких был специалистом по отечественной и зарубежной истории государства и права. Он опубликовал более 100 научных работ, среди которых как научные статьи, так и известные монографии. Коллеги и ученики помнят Михаила Григорьевича как интересного педагога, талантливого ученого и творческого, яркого человека. Профессор М. Г. Коротких был одним из самых известных в СССР, а потом и в России, специалистов в области судебной реформы 1864 г. Начи-

ная с 2021 г. кафедра теории и истории государства и права организует цикл конференций его памяти, которые акцентируют внимание на историко-правовых проблемах юридической науки, стремятся подчеркнуть взаимосвязь науки теории и науки истории государства и права и расширить круг научного взаимодействия исследованиями междисциплинарного характера.

Международный формат конференции «Мировая эволюция в памятниках права: правовые традиции Востока и Запада» объединил ученых из России, Таджикистана, Китая и Эквадора. Российское юридическое сообщество было представлено специалистами из Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Иваново, Самары, Нижнего Новгорода, Вологды, Рязани. Модератором конференции выступила доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук Наталья Владимировна Малиновская.

Первым из числа гостей конференции на пленарном заседании выступил с докладом доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженный работник высшей школы РФ **Дмитрий Алексеевич Пашенцев**. Он подчеркнул, что в настоящее время в юридической науке существует интересная проблематика, связанная с правовой традицией России. При этом само понятие правовых традиций неоднозначно, к ним нет единого устоявшегося подхода. Даже в известном труде Гарольда Джона Бермана «Западная традиция права: эпоха формирования», непосредственно посвященном данной проблематике, нет определения понятия традиции. По мнению профессора Д. А. Пашенцева, правовая традиция – это исторически сложившаяся и развивающаяся совокупность принципов построения правовой системы, которая выражается в нормах, правовых обычаях, понятиях, ценностях и представлениях и формируется повседневными действиями субъектов права. Одним из главных моментов в этом определении являются именно повседневные действия субъектов, поскольку право становится правом только тогда, когда субъекты в соответствии с ним перестраивают свое поведение.

Правовая традиция по природе своей диалогична. На ее формирование оказывают влияние различные факторы. Каждая правовая традиция несет в себе определенные ценности, которые составляют ее содержательный аспект. Она в значительной мере иррациональна, поскольку в нее оказываются включенными в том числе мифы, верования и эмоции. Носителем правовой традиции является субъект права, человек. Именно он играет главную роль в воспроизведении самой традиции, в чем проявляется ее антропоцентричность.

Российская правовая традиция имеет свои особенности, которые обусловлены периодизацией ее становления. Профессор Д. А. Пашенцев предлагает выделять шесть этапов ее становления по критерию особенностей формирования и развития источников права: 1) от возникновения Древнерусского государства до создания Российской империи; 2) от создания Российской империи до систематизации законодательства в 30-х гг. XIX в.; 3) с 30-х гг. XIX в. до 23 апреля 1906 г.; 4) от 23 апреля 1906 г. до революционных событий 1917 г.; 5) советский период – с 1917 по 1991 г.; 6) современный период с 1991 г. по настоящее время. Каждый из этапов характеризуется своеобразием и приводит в итоге к формированию определенных тенденций развития современной правовой традиции.

Доклад декана юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктора юридических наук, профессора **Людмилы Евгеньевны Лаптевой** стал

продолжением проблематики, поднятой профессором Д. А. Пашенцевым, поскольку был посвящен взаимопомощи и самоуправлению в правовой традиции России. Людмила Евгеньевна обратила внимание на то, что в Российской империи, по мере того как государство поглощало общество, для самостоятельного решения вопросов взаимопомощи оставалось все меньше возможностей.

В этом смысле после реформы 1861 г. та область жизни крестьянских сообществ, которая до сих пор была предметом самостоятельного регулирования и решения вопросов взаимопомощи, теперь была поставлена под контроль государства. Сельское общественное управление было подробно урегулировано законом, поновому, под контролем государственной полиции, стали формироваться органы крестьянского общественного управления. Все это приводило к смене традиции взаимопомощи на традицию самоуправления, которая по своему характеру уже не настолько самостоятельна, так как носит подзаконный характер. Это меняет саму конструкцию управления и отношение к ней. Она перестает быть естественной и начинает рассматриваться как заданная извне. Впоследствии советская эпоха оставляет еще меньше пространства для самостоятельности в данной сфере, поскольку с 30-х гг. XX в. начинают активно навязываться коллективистские формы взаимодействия. Огромную роль в этом играет идеология, выполняя функцию сплочения общества.

Таким образом, изначальная традиция взаимодействия в виде взаимопомощи в российском обществе оказывается несколько измененной. Тем не менее советская эпоха с ее коллективистской идеологией больше соответствовала изначальной правовой традиции России, нежели крайний индивидуализм, распространенный в настоящее время. Ценность справедливости начинает уступать место экономической эффективности судебного решения. По мнению профессора Л. Е. Лаптевой, это неверное направление развития для российского общества, изначальной традицией которого являются элементы моральной обязанности человека перед социумом, когда он не просто удовлетворяет за счет общества свои потребности, но и должен отдавать, вносить свой созидательный вклад в его развитие.

Доклад заведующего кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктора юридических наук, доцента **Николая Викторовича Разуваева** был посвящен доктрине как источнику права в древних и средневековых правовых традициях. Николай Викторович отметил, что доктринальные тексты являлись источниками права в правовых традициях Древнего мира и Средних веков, однако с начала Нового времени доктрина постепенно утрачивает статус источника права, сохраняя свое значение лишь в некоторых правовых системах. Она используется для толкования действующего законодательства либо для восполнения пробелов в нем. В нашей правовой реальности подход к доктринальному правотворчеству достаточно жесткий, поскольку доктрина не предусмотрена в качестве источника в Гражданском кодексе Российской Федерации. Отчасти это оправдано тем, что у представителей доктринального сообщества нередко возникает искушение подменить своими концептуальными обобщениями правовые процедуры и нормы. Но, с другой стороны, часто возникающая потребность в восполнении пробелов действующего законодательства могла бы быть решена путем их преодоления доктринальными средствами. В России данный вопрос остается дискуссионным.

Для исторической правовой традиции как на Западе, так и на Востоке доктрина всегда являлась органическим источником права. Юридическая наука играла роль систематизатора фактического содержания правопорядка. На первый взгляд, можно обратить внимание на то, что рим-

ское право отличается от других правовых порядков тем, что формирует светскую правовую доктрину. Но при этом очень заметна связь между правотворчеством римских юристов и понтификальным правотворчеством. Идея превосходства доктринального толкования римских юристов имела в своей основе возвышение их значимости до уровня, равного религиозному авторитету. Доктрина в условиях традиционного правопорядка всегда связана с судебной деятельностью и чаще всего она выполняет роль источника в тех правовых порядках, где собственно судебное решение не носит прецедентного характера. Ярким примером является средневековая Западная Европа, где сочинения юристов (глоссаторов, постглоссаторов), подобно суждениям римских юристов, выступали основой, на которой базировались судебные решения.

Доктринальное правотворчество активно, поскольку суд самостоятельно творить право не может или может лишь в ограниченных пределах. Кроме того, оно тесно связано с судом и судебным правотворчеством, что видно на примере общего права Англии. Таким образом, всегда существуют особые конкретно-исторические условия, при которых доктринальные юридические тексты становятся источниками права.

Проблематика культурно-исторических традиций права получила продолжение в докладах ученых Воронежского государственного университета, среди которых особое место занимает междисциплинарный по своему характеру доклад профессора кафедры археологии и истории древнего мира исторического факультета Воронежского государственного университета, доктора исторических наук, профессора **Николая Петровича Писаревского**. На примере отдельных норм из законов Ур-Намму и законов Хаммурапи, а также ключевой социально-правовой категории месопотамского общества – «авилум» – были проиллюстрированы особенности правовой культуры Месопотамии первой четверти II тысячелетия до н.э. Ее эволюция обусловлена тем, что восприятие окружающей действительности в Месопотамии носило предметно-чувственный характер и сформировалось еще во времена эпохи палеолита. Поскольку на одной территории проживало этнически неоднородное население, находившееся на различных уровнях социально-экономического развития, то в основе разграничения правового статуса его членов лежали морально-этические, чувственно-эмоциональные начала. Профессор Н. П. Писаревский отметил, что междисциплинарные исследования правовой культуры Древнего мира имеют особенное значение для развития как исторической, так и юридической науки, так как способствуют проведению комплексного, разностороннего анализа фактологической и нормативной основы.

Аналитика традиций Древнего мира получила продолжение в докладе профессора кафедры теории и истории государства и права Воронежско-

го государственного университета, доктора юридических наук, профессора **Юлии Владимировны Сорокиной**, посвященном проблеме кровной мести. Юлия Владимировна обратила внимание, что данный вопрос органически связывает историю и современность, поскольку отголоски традиций кровной мести наличествуют и в современном обществе.

Кровная месть воспринималась древними людьми как некая воздающая справедливость. В своих оценках действительности они исходили из единения природы и общества. Космологическому порядку присуще равновесие, стремление к балансу добра и зла. В связи с этим убийство воспринималось не просто как лишение жизни, преступное деяние, но как нарушение равновесия, которое надо восстановить. Именно этим целям и служит институт кровной мести.

Другой его особенностью является реализация только в условиях сплоченной социальной группы. Родоплеменной строй характеризовался глубочайшей солидарностью членов общины. Ценность человеческой жизни была обусловлена его вкладом в жизнь социальной группы, служением общине и культу предков. Поэтому убийство члена рода воспринималось как оскорбление всего сообщества и порождало серьезные последствия.

Оскорбленный род мстил не столько конкретному человеку, сколько всему роду или клану, откуда происходил убийца. При этом выбор объекта кровной мести не связывался напрямую с личностью убийцы, а основывался на принципе тождественности. Уничтожение члена враждебного племени преследовало цель восстановления равновесия, поэтому было так важно соблюдать эквивалентность.

В науке идут дискуссии о принадлежности кровной мести сфере морали или сфере права. По мнению профессора Ю. В. Сорокиной, кровная месть принадлежит именно сфере права. Это обусловлено тем, что она относится к сфере наказаний за правонарушения, а также имеет четкое нормирование на уровне различных обычаев, выражавшееся в конкретных процедурах.

По мере своего развития государственная власть стала ограничивать или запрещать кровную месть. В то же время, несмотря на глубокую архаичность этого института, он находит свое проявление и в современности, имея в какой-то степени вневременное значение.

Особенности формы древней нормативной правовой основы и ее фиксации в современности были конкретизированы в докладе профессора кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктора юридических наук, доцента **Елены Викторовны Сазонниковой**. Она обратила внимание на внешний символический ракурс рассмотрения памятников права, в честь которых создавались фундаментальные архитектурные монументы. Наиболее характерным примером, сочетающим в себе не только стремление увеко-

вечить и символизировать значение нормативного текста, но и придать ему именно такую, специфическую, форму выражения, является стела Законов Хаммурапи. Отдельное направление представляют памятники конституциям, среди которых есть несколько примеров архитектурных сооружений в честь принятия первой советской конституции – Конституции РСФСР 1918 г. В качестве отдельной категории можно выделить памятники декларациям, международным правовым актам, а также памятники, посвященные дружбе народов.

Особенностью памятников права является сложность их воссоздания в символической, образной форме. Но все же, как показывает история, это возможно, и особый интерес государства проявляют к таким средствам фиксации правового материала именно в XX в. Их значимость определяется тем, что такого рода памятники выступают сильным механизмом воздействия на правосознание, способствуя формированию в обществе патриотических настроений.

Анализу правовых традиций Японии был посвящен доклад заведующего кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктора юридических наук, профессора **Павла Николаевича Бирюкова**. Он акцентировал внимание на устройстве и организации деятельности правоохранительной системы, отметив, что высшим звеном судебной системы Японии является Верховный суд, председатели и судьи которого назначаются кабинетом министров с одобрения императора. Интересно, что в Высоком суде Токио есть отделение – Высокий суд по интеллектуальной собственности, являющийся аналогом российского Суда по интеллектуальным правам.

На уровне префектур существует 50 семейных судов (по одному в каждой префектуре) и 203 их отделения. В их компетенцию входят дела о правонарушениях несовершеннолетних, разводах, разделе имущества супругов, опеке, мелких бытовых спорах. Решения и приговоры указанных судов обжалуются в районные суды.

Прокуратура в Японии имеет четыре уровня организации. Во-первых, это Верховная прокуратура, во-вторых, высокие государственные прокуратуры, которые соответствуют высоким судам, а также прокуратуры на уровне префектур и прокуратуры на местах, соответствующие судам по упрощенным делам. Таким образом, организация уровней прокуратуры соответствует организации уровней суда. И в целом правоохранительная система Японии отличается высоким уровнем организации, а многие ее элементы имеют аналоги в российском опыте правового регулирования.

Особенностям культурно-исторических традиций китайского общества было посвящено сразу несколько докладов. Первым из них стал доклад ведущего научного сотрудника Института Китая и современной Азии Российской академии наук, кандидата юридических наук **Павла**

Владимировича Трощинского, который затронул вопросы эволюции правовой системы КНР. Он подчеркнул, что Китайская Народная Республика – молодое государство, которое сами китайцы называют Новым Китаем. В таком виде оно существует с середины XX в., в то время как сама китайская цивилизация насчитывает около 5000 лет. В настоящее время акценты в российской юридической науке делаются на изучение современного права КНР, однако понять его невозможно без теоретических основ, которые уходят корнями в глубокую древность. Хотя современный Китай – это довольно молодое государство, уже можно констатировать, что оно прошло достаточно большой путь в своем развитии. В нем присутствует правовой эклектизм или смешение юрисдикций, где наиболее ярким примером является правовая система Гонконга.

Современный Китай уже успел пройти в своем развитии несколько этапов. Возникнув на основе Китайской Советской Республики (КСР), существовавшей с 1931 по 1937 г., КНР стала формировать правовую систему нового типа. Длительное время в ней не было многих важных законов, как, например, конституции, или ряда кодифицированных актов. Первые пять лет после образования КНР существовала без конституции, принятой только в 1954 г. Тем не менее основой правового регулирования выступала неписаная конституция, которая изначально заложила основы правовой системы, закрепленной в 1954 г. После этого наступил период стагнации, когда на протяжении 20 лет, с 1955 до 1976 г., в КНР не было принято ни одного закона. Исключением являлась единственная конституция 1975 г., но она носила декларативный характер. Уголовный кодекс был принят в 1979 г. В отношении Гражданского кодекса долгое время действовала концепция отрицания, страна жила без него на протяжении 70 лет, однако 28 мая 2020 г. он был принят, что стало знаковым событием в истории современного Китая. И в настоящее время КНР активно развивает правотворческую деятельность, в том числе являясь одним из государств, которые первыми наиболее активно и подробно регулируют сферу цифровых отношений.

Проблематика современных реалий китайской юридической практики была освещена в докладе управляющего партнера юридической фирмы «Синь Да Ли», адвоката, арбитра Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (CIETAC) **Чжоу Гуанцзюня**. Он пояснил, что первоначально, после создания Нового Китая, традиции правового регулирования в нем были сходными с советскими, но в последние 30 лет правовое регулирование России и Китая развивалось неодинаково.

Наиболее ярко право Китая можно продемонстрировать на примере судебной практики, которую необходимо правильно понимать при необ-

ходимости выстраивания предпринимательских отношений с китайскими партнерами. Так, если ранее дела с участием иностранного элемента в Китае рассматривали суды среднего звена, то теперь они рассматриваются на уровне районных судов. Проблемным является вопрос о признании и исполнении на территории Китая решений россий-

ских арбитражных судов. Это обусловлено отсутствием надлежащего информирования со стороны российских судов о возбуждении производства по делу с участием китайской компании. При отсутствии подтверждения надлежащего извещения китайской компании о разбирательстве с ее участием вынесенное решение, скорее всего, не будет признано и исполнено на территории Китая.

В целом господин Чжоу отметил, что в Китае суды очень серьезно относятся к рассмотрению споров с участием иностранного элемента, поэтому китайскому правосудию в этом отношении можно и нужно доверять. Более того, китайские народные суды активно поддерживают арбитраж. Есть довольно большие возможности передачи корпоративного спора на рассмотрение третейского суда, что всегда выгодно для сторон.

В европейской и российской доктрине нередко можно встретить критическое, даже скептическое отношение к защите прав иностранных инвесторов в Китае. Однако в китайской правовой реальности существует целый ряд проблем, но именно к делам с участием иностранных инвесторов китайские судьи относятся наиболее внимательно, четко и скрупулезно оценивая каждое представленное доказательство при вынесении решения. Тем не менее для более эффективного экономического взаимодействия между представителями России и Китая необходимо лучшее понимание особенностей китайского правового регулирования и правосознания, чему может способствовать проведение различных конференций, семинаров и круглых столов.

Докладом, продолжающим аналитику культурно-исторических традиций изнутри, стало выступление руководителя общественной организации «Мирный Эквадор», профессионального юриста и медиатора, эксперта Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета **Габриэля Борха Этлиса**. Он отметил, что западноевропейские устои с колониальным режимом по сей день находятся в

огромном противоречии с традициями местного населения эквадорских индейцев, которые составляют около 40 % населения страны. До 2008 г., ознаменовавшего принятие Конституции, в Эквадоре не было возможности нормативно урегулировать конфликт между поддержанной юридическими актами западной системой собственности и формами коллективного владения «землей индийских сообществ». Теперь, после 2008 г., нормативное урегулирование конфликта есть, но по факту он не является разрешенным.

Основное различие между западным подходом к землепользованию и подходом с точки зрения индийских сообществ носит культурологический характер и заключается в том, что если в западной традиции мы рассматриваем землю как ресурс, который производит средства для существования и благосостояния, то с точки зрения индийской культуры природа и земля это высшее благо, живое существо, которым не владеют, а которое почитают и благодарят и соответствующим образом пользуются ресурсами. Поэтому коллективная форма землевладения индейцев не может быть сопоставима с коллективной долевой собственностью с позиций кодифицированного европейского права. Если с европейской точки зрения коллективное землевладение может быть индивидуализировано в долих и в случае конфликтов между членами сообщества может быть разделено, то с точки зрения индийских сообществ это невозможно. Коллективная земельная собственность с позиций индийского права Эквадора является неразделимой, что, естественно, входит в серьезный конфликт с нормами права западного образца и создает серьезные затруднения при разрешении конфликта.

В настоящее время данная проблема находится в неразрешенном состоянии. Лидеры индийских сообществ сохраняют фактический контроль над частью земель, где трудятся в том числе мелкие производители. С позиций индийского права они не могут быть собственниками, а только пользователями земли, и, таким образом, не могут выделить ее в обособленное пользование. В последние десятилетия проблема землевладения не поднимается политическими силами Эквадора, поскольку индийская элита не заинтересована в изменениях этой ситуации, а западная кодификация не представляет возможных решений этих проблем. Серьезным являются уже вопросы о том, насколько западная система правового регулирования может вмешиваться в

данную сферу, и нужно ли регулировать ее исключительно с культурно-исторических позиций.

Вопрос соотношения систем и направлений правового регулирования получил дальнейшее развитие в докладе профессора факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидата юридических наук, доцента **Татьяны Анатольевны Алексеевой**, которая отметила, что стремление к балансу

и гармонии частных и публичных интересов сопутствует всей истории развития права. Римскому праву присуща мультикультурность, которая во многом и сделала его культурным достоянием мирового масштаба и всего человечества. Уникальность римского права заключается в гармонизации в нем частных и публичных интересов,

индивидуализма и солидаризма. Каждый римский гражданин осознавал, что является не только индивидом, личностью, но и частью единого целого, частью римского народа, что, как правило, не получает должного освещения в цивилистической литературе. Основная идея римского права получила отражение в выражении известного римского юриста Помпония: «Право не может существовать иначе, как при наличии сведущих в праве лиц, посредством которых оно могло бы ежедневно продвигаться к совершенству». Она отражает в том числе современную мечту о развитии права. Но в древние времена деятельность римских юристов была продиктована общественной потребностью, она была необходима в силу специфики римского права и, в том числе, отношения к закону. Главной определяющей основой их деятельности была справедливость, следование которой делало их патриотами. Это, в частности, выражалось в том, что несмотря на работу в сугубо практической плоскости, заботясь о справедливости и стремясь разрешить каждый встречающийся конфликт, они все время заботились о благе своего народа и его завтрашнем дне. Римский термин *jus* происходит не от понятия «правосудие», как его долгое время переводили, а именно от понятия «справедливость».

Профессор Т. А. Алексеева подчеркнула, что древнеримский юрист Ульпиан, которому традиционно приписывается деление права на частное и публичное, в действительности не делал такого противопоставления и имел в виду совсем другое. Он говорил о необходимости разграничения изучения римского права и в методических целях указывал на то,

что именно изучение права распадается на две части – право частное и право публичное. И саму эту фразу также необходимо правильно переводить, поскольку публичное право, по словам Ульпиана, это то, что относится «к положению римских дел» (там нет и не может быть термина «государство»), а к частному праву относится то, что имеет отношение к пользе частных лиц. В основе такого разделения для римских юристов лежат исключительно соображения пользы – частной или общей, публичной, но не государственной.

Интересным продолжением тематики древнеримской культурно-исторической традиции стал доклад доцента кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета, кандидата юридических наук, доцента **Сергея Николаевича Касаткина**, рассмотревшего роль римского претора в качестве эталона идеального судьи.

Сергей Николаевич обратил внимание на важный момент содержательного контекста, который связан с обращением к традиции. Это является особенно важным элементом практической деятельности в широком смысле, поскольку именно традиция позволяет удерживать какое-то пространство, внутри которого мы можем осознать свое собственное место, собственную позицию, определить для себя ориентиры развития. Это не означает оценку традиции в положительном или отрицательном ракурсе, но означает необходимость ее учета, как минимум, для осмысления и понимания, в том числе, возможно, и того, от чего мы будем должны отказаться.

Фигура римского претора является показательной в этом смысле. В рамках республиканского Рима предклассического и классического периода она была ключевой в судопроизводстве. Римское право формирует универсальный стандарт правовых рассуждений, который и признается ценностью западной цивилизации. И для его развития традиционно подчеркивается вклад претора, которому приписывается создание образцовых юридических конструкций. Между тем, по мнению С. Н. Касаткина, к этому нет достаточных оснований. Деятельность претора включала, во-первых, издание эдикта, в котором указывались возможные дополнительные общественные отношения, получающие правовую защиту. Кроме того, на первоначальной стадии процесса претор решал, давать или не давать иск, т.е. принимать или не принимать определенные притязания к рассмотрению. При этом показательно, что он, с одной стороны, мог признавать, давать судебную защиту притязаниям, которые не имели прямого основания в гражданском праве, а, с другой стороны, мог и отказывать в притязаниях, которые, по его мнению, были несправедливы, хотя и проистекали из писаного права. Также в формулярном процессе претор давал формулу. С формальной точки зрения это приказ для

судьи о принятии соответствующего решения, а содержательно это модель или алгоритм внесения решения, которым должен был воспользоваться судья, если подтвердятся факты, заявляемые истцом или ответчиком. Наконец, у претора были административные средства – экстраординарные полномочия, которые позволяли продвигать определенные позиции в рамках процесса. Эти полномочия и деятельность преторов привели к тому, что римское право стало трансформироваться от узконациональной формальной системы норм и положений в универсальный механизм разрешения споров. В этом смысле преторское право – это живой голос гражданского права, который дополняет, исполняет и исправляет его. Это образец судейского усмотрения и судейского активизма, которые стали одним из эпицентров обсуждения в философско-правовой мысли XX в. И главная идея здесь – в неретроспективном характере деятельности претора. Он создает авторитетные примеры, которые можно использовать при принятии решений, но они не исчерпывают решения. Эти примеры создают систему ориентиров, которые можно использовать при принятии решений, но не несут в себе предопределенности. В этом смысле аргументация претора ориентирована в будущее, она включает в себе идею открытости.

Таким образом, важно правильно понимать роль и значение римской юриспруденции и правильно использовать ее идеи в условиях современности, когда мы ориентированы на стандарты права, предполагающие формальный, институциональный характер его организации, а, с другой стороны, институциональный и бюрократизированный характер судопроизводства. Поэтому стандарты римского права и модели аргументации, которые в нем заложены, безусловно, являются авторитетными, но нуждаются в более подробном осмыслении на предмет их применимости для современной России и других правовых систем.

Интересный ракурс обращения к правовым традициям выбрал в своем докладе заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат исторических

наук, доцент **Евгений Леонидович Поцелуев**, проследив взаимосвязь между византийским правом и древнерусским законодательством.

Он отметил, что после введения христианства на Руси русская церковь была подчинена константинопольскому патриарху и осуществляла церковное правосудие по его законодатель-

ным актам, среди которых наибольшее распространение получили такие, как Номоканон, Эклога и Прохирон. Последний действовал на Руси под заголовком Закон Градский, был рассчитан преимущественно на судебное применение и содержал нормы уголовного, гражданского и семейного законодательства. При этом определенная часть его норм противоречит Эклоге. В целом влияние обоих источников на древнерусское правовое регулирование было связано, главным образом, с подсудностью. При разрешении дел суды руководствовались не нормами обычного права, а именно византийским законодательством.

Наиболее ярко влияние византийского права проявляет себя в брачно-семейной сфере. Так, византийские источники называют различные возрастные требования для вступления в брак, однако в древнерусской правовой реальности они часто не соблюдались и допускались браки малолетних. Среди заимствованных норм было требование об отсутствии кровного родства и свойства, а также родства духовного (крестные и крестники). Запрещалось многоженство, что также не исключало нарушений на практике, но, главным образом, в отношении князей. С формальных позиций запрещалось вступать в брак венчанным. На практике же на Руси опять случались отклонения: если один из вступающих в брак уже был венчан, его не венчали, но при этом совершали обряд венчания над другим супругом.

В Византии и византийском праве отношение к браку было как к таинству. Был широко распространен аскетический взгляд на институт брака, согласно которому предписывалось по возможности воздерживаться не только от плотских связей вообще, но и от брачного жития в частности. Настойчиво проводилась концепция брака как таинства, посредством которого человек приобщается к Богу. Тем не менее эти особенности христианской концепции брака не были восприняты древнерусским правом в том виде, как в византийском. Поэтому мы можем констатировать рецепцию норм византийского права в Древней Руси, но она не была слепым механическим копированием этих норм, привнося туда собственные культурологические особенности.

Осмысление средневековых правовых традиций на конференции было представлено докладом доцента кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидата юридических наук, доцента **Арины Игоревны Федюшкиной**.

Она отметила, что чаще всего при исследовании источников средневекового права мы концентрируемся на изучении текстуальной традиции представления правовой нормы, например систематизации обычного права. Но при этом существует интересная, уникальная традиция визуализации правовых норм в памятниках средневекового права.

Традиционно изображения в истории права воспринимаются как вспомогательная, второстепенная часть рукописи, выполняющая в большей мере декоративные функции. Но это не совсем верно.

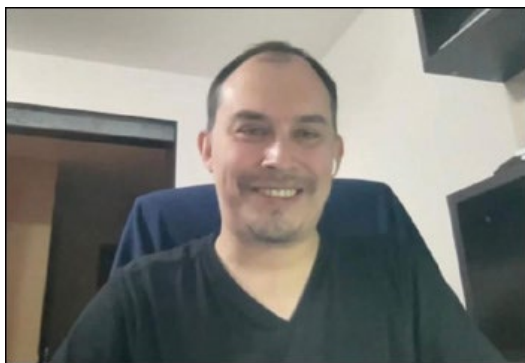
По мнению А. И. Федюшкиной, среди иллюстрированных манускриптов правовых памятников можно выделить две группы рукописей. Первая группа – это рукописи, в которых миниатюры, иллюстрации полностью дублируют текст, повторяя содержание правовой нормы в виде определенного изображения. Вторая группа интересна тем, что в данных рукописях основной целью миниатюры является не дублирование, а дополнение текста, т.е. дополнение содержания правового памятника. В численном отношении источники второй группы встречаются реже. Примером первой группы манускриптов является Декрет Грациана, все миниатюры в котором повторяют содержание правовых норм и служат визуальным средством упрощения и быстроты понимания содержания. Вторая группа представлена рукописями Саксонского зеркала. В нем миниатюры уже нельзя воспринимать как просто декоративные элементы манускрипта – они выполняют множество разных функций: помогают читателю текста запоминать его содержание, объясняют смысл, приведенный в тексте правовой нормы, представляют в особой символической форме юридическую терминологию и даже служат дополнительным способом навигации по тексту манускрипта. Миниатюры в Саксонском зеркале составляют органическое единство с текстом и изначально должны передавать нормативное содержание наравне с ним.

Таким образом, можно заключить, что появление источников, содержащих одновременно и текстуальную форму закрепления содержания правового предписания, и средства образной визуализации, является маркером перехода от устной правовой традиции к более формализованной письменной традиции.

Продолжением рассмотрения восточных правовых традиций стал доклад директора Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и

управления, доктора исторических наук **Павла Николаевича Дудина**, посвященный традициям кодификации права в странах Восточной Азии.

Для примера он сосредоточил внимание на опыте китайской кодификации права. Эволюция традиции кодификации здесь насчитывает три основных этапа: 1) имперский этап, когда

сложилась и обрела устойчивые черты традиция кодификации, сохраняя их фактически в неизменном виде до XIX в.; 2) этап рецепции европейского права, когда в регион проникают европейские державы, причем проникают не только торговлей и оружием, но и через правовую сферу; 3) современный этап, в котором наиболее любопытен опыт гражданской кодификации 2020 г.

В первый период правовые традиции Китая выходят за пределы самой империи и распространяют свое влияние на соседние государства. Она развивается под влиянием японского, монгольского и вьетнамского векторов взаимодействия.

На втором этапе рецепции европейского права Китай как в уголовной, так и в гражданско-правовой сфере взял за основу французскую кодификационную традицию. Она нашла свое воплощение, в первую очередь, в том, что в качестве основных источников права за неимением единого кодекса использовались правовые принципы, которые были в 1918 г. сведены в сборники судебных решений. И, таким образом, судебная практика, вслед за правовыми принципами, стала ключевым источником права. В отдельных моментах кодификации гражданского законодательства наблюдается смешение французской и немецкой правовых традиций.

Подводя итог, П. Н. Дудин отметил, что любая правовая традиция носит весьма условный характер, и даже если какие-то аспекты в отдельных традициях совпадают, это не значит, что имеет место быть непосредственно заимствование. По его мнению, многие традиции правового регулирования сходны просто потому, что право регулирует типизированные отношения.

Продолжая тематику древневосточных правовых традиций, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Светлана Васильевна Волкова** подчеркнула, что Древняя Индия в этом смысле являет собой благодатную почву для исследователей, что подтверждают многочисленные обращения к данной правовой традиции среди современных ученых. Наиболее ярко эта традиция проявляет себя в таком правовом памятнике, как Законы Ману. В них отражены самые различные нормы, но наиболее показательны имеющие место элементы судебной психологии. Первая профессиональная необходимость у судей – это их личная ответственность.

Чтобы достичь должного, судья должен постоянно, днем и ночью, заботиться о том, чтобы обуздывать свои чувства, избегать пороков. Поэтому государю, осуществляющему суд, отбросив симпатии и антипатии, надо поступать объективно и справедливо, подавляя гнев и обуздывая свои чувства. Дополнительными требованиями к судьям выступают тактичность, вежливость, сдержанность в манерах поведения, эмоциях и

речи. Во многом образ судьи транслируется в текстах дхармашастр через образ царя. Но в целом из правовых норм можно сделать вывод о широком присутствии этического компонента, акцентирующего внимание на образе судьи, который через соответствующие этические требования в определенной мере отражается и в современности.

В завершение конференции всеми участниками была отмечена плодотворность состоявшейся научной дискуссии, в которую удалось вовлечь представителей различных гуманитарных наук. Правовые традиции Востока и Запада получили самое широкое рассмотрение, позволившее по-иному взглянуть на привычные правовые категории и нормы. Выводы исследовательских изысканий, проведенных в рамках конференции, будут положены в основу дальнейших научных работ, сформировав фундаментальные начала индивидуальных и коллективных доктринальных исследований.

Для цитирования:

Малиновская Н. В. Обзор Юбилейной осенней научной сессии «Культурно-исторические традиции права», посвященной 60-летию кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета (25 ноября – 16 декабря 2022 года) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 126–162.

Recommended citation:

Malinovskaya N. V. The review of the Anniversary Autumn Scientific Session “Cultural and Historical Traditions of Law”, dedicated to the 60th anniversary of the Chamber of Theory and History of State and Law of Voronezh State University (November 25 – December 16, 2022) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 126–162.

Сведения об авторе

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ilbas@mail.ru

Information about author

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: ilbas@mail.ru